

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Дается анализ различных позиций по вопросу о правовой природе права на неприкосновенность жилища. Сделан вывод о необходимости рассмотрения данного права в качестве личного неимущественного субъективного права, что не исключает возможности одновременного употребления данного термина в качестве конституционного права, а также основного начала жилищного законодательства и уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища, конституционные права, правоспособность, личные неимущественные права, уголовно-правовые и гражданско-правовые меры защиты.

S.I. Suslova

RIGHT TO INVIOABILITY OF RESIDENCE: LEGAL ORIGIN

The article analyzes various points of view concerning legal origin of right to inviolability of residence. The author comes to the conclusion that this right should be interpreted as legal non-property right of person, which doesn't exclude a possibility of using this term in the context of the constitutional law, and at the same time as basis for both housing legislation and criminal justice process.

Keywords: inviolability of residence, constitutional rights, legal competence, personal non-property rights, penal and civil protective actions.

Необходимость теоретического анализа природы права на неприкосновенность жилища предопределена несколькими обстоятельствами. Во-первых, отсутствует единство употребления данного термина в юридической литературе, где учеными изучаются отдельные аспекты данного права без конкретизации того, что ими понимается под анализируемым явлением. Во-вторых, разноотраслевой характер исследований данного вопроса также добавляет существенные сложности, поскольку различное содержательное значение многих терминов является распространенной ситуацией современного права (в том числе и в отношении права на неприкосновенность жилища). Отсутствие определенности в терминологии, а самое главное — в правовой природе данного права не может не привести к сложностям при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с нарушением права на неприкосновенность жилища, что требует тщательного анализа обозначенного вопроса.

Отдельные аспекты права на неприкосновенность жилища являются предметом изучения многих отраслевых наук, однако основная масса исследований в данной области принадлежит представителям уголовного и уголовно-процессуального права, а также цивилистам. Акцент при анализе обозначенного права делается на попытки сформулировать понятие «жилище» (для представителей уголовного и уголовно-процессуального права, поскольку именно этот термин использует УК РФ и

УПК РФ [11, с. 8], соотнести понятие «жилое помещение» и «жилище» (в основном характерно для ученых-цивилистов, что предопределено соответствующими дефинициями, содержащимися в гражданском и жилищном законодательстве). Так же предлагаются различные трактовки термина «проникновение в жилище» [1, с. 9], изучаются различные способы такого проникновения и оценивается их законность с точки зрения закрепленного конституционного права. Цивилисты же, в основном, делают акцент на характеристике данного права в качестве личного неимущественного, что позволяет выделить определенные признаки, характерные данному виду прав [5, с. 55].

В настоящее время можно констатировать, что термин «неприкосновенность жилища» употребляется в следующих значениях. Во-первых, как базовое конституционное право. Во-вторых, как конкретное субъективное право физического лица, носящее неимущественный характер и составляющее содержание абсолютного правоотношения, где все третьи лица обязаны воздерживаться от его нарушения. В-третьих, как базовый принцип (основное начало) уголовного судопроизводства (ст. 12 УПК РФ), а также жилищного законодательства (ст. 1, 3 ЖК РФ). В-четвертых, неприкосновенность жилища рассматривается как элемент правопорядка или правоспособности, поскольку является возможностью в равной степени присущей всем и каждому [3, с. 644]. И, наконец, в-пятых, можно встретить утверждение, о том, что право на неприкосновенность жилища является гарантией осуществления права на неприкосновенность частной жизни [6, с. 113]. Каждое из этих значений находятся в постоянном взаимодействии между собой, однако их смешение недопустимо. Более того, понимание неприкосновенности жилища в качестве лишь элемента правоспособности исключает возможность его характеристики в качестве субъективного права. Подобный разброс мнений нуждается в тщательном анализе, поэтому остановимся на их характеристике более подробно.

Наличие в Конституции РФ самостоятельной ст. 25, посвященной неприкосновенности жилища, дает бесспорное основание для утверждения о том, что данное право является конституционным. Однако такой общий подход не дает ответа на вопросы о правовой природе данного права и является лишь констатацией наличия данных норм в главном акте страны. Сторонники существования общерегулятивных правоотношений считают, что закрепление Конституциями основных прав и свобод (в первую очередь, в частно-правовой сфере) дает основания всего лишь для смены инструментария: субъективные публичные права должны быть заменены на субъективные конституционные (основные) права [7, с. 8]. Таким образом, все права, закрепленные в Конституции РФ, изначально являются субъективными. Однако такой подход больше характерен для представителей конституционного права. Ученые иных отраслей права (и, в первую очередь цивилисты) отрицают субъективный характер большинства прав, закрепленных в Конституции (аргументы в пользу и против данной позиции могут стать темой самостоятельной статьи и потому здесь не приводятся). В частности, не относят к субъективным правам такое право, как право на жилище, поскольку такой взгляд требует следующего шага — признания за государством обязанности по предоставлению конкретных жилых помещений. Вместе с тем, провозглашение права на неприкосновенность жилища не требует от государства никаких дополнительных финансовых затрат, не нужно и принятие

каких-либо нормативно-правовых актов отраслевого законодательства. Данное право ценно в силу факта его констатации, а потому вполне допустимо считать это право субъективным правом, дающим его обладателю возможность требовать от всех третьих лиц воздерживаться от его нарушения. При таком подходе, право на неприкосновенность жилища является субъективным правом, поскольку ему напрямую соответствуют обязанности всех третьих лиц воздерживаться от его нарушения.

Противоположная позиция высказана немногочисленными правоведами, считающими неприкосновенность жилища (наряду с личной неприкосновенностью, правом на участие в гражданских правоотношениях и т.п.) лишь элементом правопорядка или правоспособности [3, с. 644]. Их мнение достаточно последовательно основывается на следующих теоретических постулатах: отрицание надобности существования общерегулятивных правоотношений, характеристика базовых конституционных прав (на жизнь, здоровье) в качестве прав, охраняющихся правом непосредственно без наделения их обладателей конкретными субъективными правами. Это дает основание исследователю отказать в характере субъективного и праву на неприкосновенность жилища. Добавим, что, раньше существовала и такая позиция, согласно которой право на жизнь, здоровье и т.п. не могут считаться субъективными правами, а являются законными интересами [9, с. 162]. В целом, соглашаясь с тем, что большинство из обозначенных автором конституционных прав действительно носят лишь общий характер, а потому не должны рассматриваться как субъективные права, в отношении права на неприкосновенность жилища возникают определенные возражения.

Во-первых, неоспорно утверждение о том, что право на неприкосновенность жилища есть возможность в равной степени присущая всякому и каждому лицу. Лишь в советское время в юридической литературе можно встретить утверждения, о том, что в нашем государстве не существует бездомных, что задачей советского государства является лишь улучшение жилищных условий граждан. Современная действительность такова (и мы не берем мировые масштабы), что огромное количество российских граждан не имеют жилищ, относятся к категории лиц без определенного места жительства (в силу объективных или субъективных причин). В этой связи, уравнивать правовую природу права на жизнь, здоровье (которые есть у любой личности), или права неприкосновенности личности и права на участие в политической жизни (которые также принадлежат всем без исключения) к праву неприкосновенности жилища (которое изначально не принадлежит всем и каждому) не представляется правильным.

Во-вторых, содержанием правоспособности являются способности в обладании правами, которые можно рассматривать в качестве право что-то иметь или что-то делать (т.е. в правах на положительные действия лица), тогда как право на неприкосновенность жилища в качестве способности (впрочем, как и возможности) можно представить только через отрицание — способность иметь право не пускать в свое жилое помещение. В связи с этим возникает вопрос — а что тогда считать возможным ограничением правоспособности? Вероятно всего, речь следует вести об установленных законодательством случаях, когда доступ в жилище разрешен в соответствии с законом или судебным решением. Тогда получается, что правоспособность (иметь способность не пускать) ограничива-

ется в отношении одних субъектов, а применительно к другим — нет. И еще одно немаловажное уточнение — а вхождение в жилое помещение помимо воли лица будет тогда чем — тоже ограничением правоспособности? В этом случае следует вычленять ограничение правоспособности на основании закона и ее ограничение определенными неправомерными действиями. Подобных теоретических построений теория права (в том числе и цивилистическая теория) не знает и их разработка, вряд ли представляется перспективной.

Более логичным в данном случае будет иной вывод, основанный на характеристике права на неприкосновенность жилища в качестве субъективного права. В случае, когда проникновение в жилище санкционировано законом с субъективным правом на неприкосновенность жилища ничего не происходит, оно не прекращается в отношении определенных лиц и не действует в отношении других. Просто у соответствующего органа или должностного лица возникает публичное субъективное право на доступ в жилое помещение, что устанавливает пределы анализируемого субъективного (частного) права. Противоречий здесь никаких не возникает, нет и конкуренции двух субъективных прав — соответствующие органы обязаны действовать строго в рамках, очерченных законом, как правило, в интересах самого управомоченного лица для защиты объекта его имущественного права (например, при пожарах); для защиты интересов иных лиц, проживающих по соседству с данным лицом (например, при авариях); для защиты общественных интересов (например, при совершении процессуальных действий). Нельзя забывать и о ст. 10 ГК РФ, запрещающей действия, связанные со злоупотреблением правом.

Обязанность допустить в жилое помещение соответствующих лиц прямо законом не предусмотрена. То есть, в данном случае, закон формулирует соответствующую обязанность не прямо, а путем установления ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника милиции, должностного лица органа, осуществляющего государственный надзор (контроль) (ст. 19.3, 19.4 КоАП РФ).

В-третьих, возникают определенные вопросы и с защитой интересов лица, чье право (как способность или возможность) на неприкосновенность жилища было ограничено или нарушено. При характеристике данного права в качестве субъективного у его обладателя возникает возможность на компенсацию морального вреда, а также возмещение материального (если он был причинен). При характеристике права на неприкосновенность жилища лишь как правоспособности и ее ограничении не существует возможности требовать компенсации морального вреда. В этом случае мы можем говорить об административной ответственности должностных лиц, об уголовной ответственности лиц, незаконно проникших в жилое помещение, а для гражданского права подобные действия остаются безразличными. Такая ситуация не представляется нам правильной.

В этой связи стоит затронуть предложенные О.Л. Красавчиковой меры защиты, в случае нарушения личного неимущественного права на неприкосновенность жилища. Автор полагает, что ими являются пресечение, прекращение или изменение правоотношений, а также признание права [5, с. 60]. Автор высказал данную позицию без каких-либо пояснений, что вызывает определенные вопросы. Не совсем понятно, что подразумевалось под пресечением правоотношения? Вероятно, имелось ввиду прекращение (пресечение) фактических действий, направленных

на непосредственное проникновение в жилище, создание препятствий к такому проникновению. Тогда речь нужно вести о самозащите права. Хотя совершение действий по пресечению фактического проникновения в жилище находятся в очень тесной взаимосвязи с содержанием правомочий, входящих в состав данного субъективного права и провести грань между ними очень сложно. То есть если лицо создает препятствия для доступа в свое жилое помещение, не допускает туда любых третьих лиц, то этим самым оно и реализует свое субъективное право на неприкосновенность жилища. Подобные фактические действия можно будет считать самозащитой, если они осуществляются с момента нарушения данного субъективного права.

Не понятно и об изменении или о прекращении какого правоотношения ведется речь в качестве мер защиты. Чтобы пояснить свой взгляд, здесь стоит затронуть еще один важный вопрос — о связи личного неимущественного права на неприкосновенность жилища и субъективного (имущественного) права на само жилое помещение. О.Л. Красавчикова категорически отрицает связь права на неприкосновенность жилища с имущественными правами [5, с. 56], однако, «не исключает взаимосвязи указанных двух прав» [там же]. Вместе с тем, очевидно, что содержание данного права едино для всех лиц, не зависимо от права на конкретное жилое помещение, однако, возникновение права на неприкосновенность жилища не происходит без наличия имущественных прав на это помещение. То есть личность «теряет» данное право при отсутствии прав на жилое помещение и может обладать данным правом в отношении нескольких объектов, где имеются имущественные права на них.

Таким образом, полагаем, что данное личное право должно считаться правом, связанным с имущественными правами. Именно в контексте существующих имущественных прав на само жилое помещение, можно предположить использование такого способа защиты — как прекращение или изменение правоотношения. Например, лицо, вошедшее в жилое помещение, считает, что имеет на это право. Собственник же жилого помещения обращается в суд с иском о расторжении договора в отношении данного лица. Таким образом, прекращается правоотношение на конкретное жилое помещение, чем собственник защитил свое право на неприкосновенность жилища.

Традиционным же способом защиты данного права можно считать использование негаторного иска (об устранении препятствий в пользовании имуществом), правом на подачу которого наделен любой законный владелец жилого помещения.

Подводя промежуточный итог, констатируем, что право на неприкосновенность жилища не рассматривается нами в качестве элемента правоспособности. Однако прежде чем присоединиться к противоположной позиции (а иное вряд ли возможно) необходимо разобраться с содержанием данного права.

Как мы уже отметили, содержание права на неприкосновенность жилища может выражаться в одном правомочии — правом ограничивать доступ к своему (на любом законном основании занимаемому) жилому помещению. При этом все иные лица обязаны воздерживаться от проникновения в него. В юридической литературе предлагается и иная позиция по данному вопросу. Так, Л.О. Красавчикова выделяет две стороны в содержании данного права: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя — это мера свободы поступать в жилище по своему усмотрению, а

внешняя — выполняет охранительную функцию, обеспечивая гражданина от вторжения в жилище [5, с. 59; 10, с. 8]. Подобная трактовка вызывает определенные возражения в юридической литературе, которые заключаются в том, что внутренняя сторона данного права не может составлять его содержания, поскольку право поступать в жилом помещении по своему усмотрению (вести личную жизнь, воспитывать детей, проводить досуг и т.п.) составляют правомочия конкретных прав на соответствующее жилое помещение [4, с. 179–181]. Вместе с тем, данному доводу следовало бы возразить по причине того, что данные возможности носят нематериальный характер (неимущественный) характер, а потому не могут составлять правомочия имущественного субъективного права на жилое помещение. По этому поводу существует достаточно емкое высказывание В.А. Белова, справедливо утверждающего, что «служение же возможностей различным интересам (или хотя бы интересам различного свойства — например, имущественному или неимущественному)...означает необходимость рассмотрения обсуждаемых возможностей как элементов различных субъективных прав [3, с. 237]. Кроме того, следует добавить и еще один момент. Используя право на неприкосновенность жилища, человек защищает не столько информацию о том, как он в жилье воспитывает детей или ведет досуг. Самим фактом вхождения в жилище эти сведения редко становятся доступными. Неприятен сам факт (!) вхождения в данный объект помимо воли лица. То есть такое вторжение больше тяготеет к нарушению личной неприкосновенности, поскольку жилище рассматривается именно как продолжение личности человека, неразрывно с ней связанное. И в этом случае не должен иметь значения временный характер проживания в жилом помещении или даже фактическое не проживание в нем (а лишь наличие определенного права). В ряде случаев, европейская судебная практика настаивает на наличие личных (субъективных) связей с жилищем (когда их наличие неочевидно!) и только тогда (в жилище есть личные вещи, корреспонденция и т.п., составляющие часть личной жизни) гарантируется право на неприкосновенность жилища [10, с. 120]. В этой связи, наряду с существованием права на неприкосновенность жилища существует и право на уважение личной и семейной жизни (личную и семейную тайну), тайны корреспонденции, каждое из которых имеет собственное содержание, отличное от права на неприкосновенность жилища. Таким образом, из содержания права на неприкосновенность жилища необходимо исключить (по терминологии О.Л. Красавчиковой) внутреннюю его сторону, но не потому, что данные действия составляют содержания конкретного вещного права на жилое помещение, а потому, что данные действия составляют содержание иного личного неимущественного права — права на личную и семейную тайну. При этом, поясним, что данный вывод основан так же и на том обстоятельстве, что представляется правильным разграничивать имущественные и неимущественные правомочия, составляющие содержания конкретных субъективных прав по следующему критерию. Если правомочие пользования (составляющего содержание имущественного права на жилое помещение) выражается с помощью действий, отвечающих на вопрос — что в нем делать? — жить, есть, пить, воспитывать, спать и т.п., то правомочия, составляющие содержание неимущественных прав, связанных с жилищем, выражаются в ответах на вопрос: как? (есть, пить, спать, воспитывать, отдыхать и т.п.).

Завершить рассмотрение данного вопроса невозможно без обращения к еще двум, ранее поименованным, значениям термина неприкосновенность жилища — к качеству основного начала жилищного законодательства и уголовного судопроизводства, а также гарантии реализации иных конституционных прав.

Связь права на неприкосновенность жилища с правом на охрану частной жизни подчеркивают и признают большинство исследователей различных отраслей права [5, с. 57; 8, с. 139–140; 10, с. 118, 123]. Однако такая взаимосвязь обозначенных прав не отрицает их обособленный характер. Признавая самостоятельный характер права на неприкосновенность (охрану) частной жизни, большинство исследователей прямо или косвенно сводят его содержание к аккумулярованию в его составе всех личных прав граждан, поименованных в Конституции РФ. Все проявления частной жизни подлежат охране и защите через провозглашение иных базовых личных прав (на личную и семейную тайну, тайну корреспонденции, неприкосновенность личности и жилища). В этой связи, действительно, право на неприкосновенность жилища выступает определенной гарантией реализации права на неприкосновенность (охрану) частной жизни. Однако такой вывод требует определенных уточнений. Так, справедливым нам представляется высказывание о том, что «...юридические гарантии сами нуждаются в юридических гарантиях...» [2, с. 267], что наглядно можно продемонстрировать на примере анализируемых прав. Право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну корреспонденции, право на личную и семейную тайну и т.д. в определенной степени выступают гарантиями друг для друга. Таким образом, рассматривать право на неприкосновенность жилища в качестве гарантии реализации иных конституционных прав можно с достаточной долей условности.

Что же касается провозглашения неприкосновенности жилища в качестве основного принципа (основного начала) жилищного законодательства и уголовного судопроизводства, то здесь необходимо заметить следующее. Практика воспроизводить определенные конституционные нормы в качестве основных начал какого-либо законодательства — достаточно распространенная практика последних лет. Учитывая, что жилищное право «идет по стопам» гражданского права, то провести определенное терминологическое и содержательное сравнение достаточно просто. В ст. 1 ГК РФ в качестве одного из основных начал гражданского законодательства названо неприкосновенность собственности, в ст. 1 ЖК РФ — неприкосновенность жилища. По сходному пути идет и УПК РФ. Подобное признание отдельных конституционных прав в качестве основных начал подчеркивает не только их важность для соответствующего законодательства, но и имеет вполне практическую направленность, которая выражается в их применении при использовании аналогии закона, при применении к соответствующим отношениям иного законодательства. Конкретизацию отдельных положений Конституции, связанных с правом на неприкосновенность жилища в отраслевом законодательстве, можно только приветствовать, если при этом не происходит изменение содержания данных прав. По сути, именно детализация конкретных конституционных прав и выступает основной юридической гарантией их реализации.

Подводя итог исследованию данного вопроса, следует еще раз отметить, что отсутствие определенности в вопросе о каком из аспектов про-

возглашенного Конституцией РФ права на неприкосновенность жилища ведется речь, порождает как теоретические проблемы, так и сложности в его защите, что, в конечном итоге, отражается на эффективном раскрытии преступлений в данной сфере отношений.

Список использованной литературы

1. Авшеев Э.Ю. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Ю. Авшеев. — Ростов н/Д, 2005. — 24 с.
2. Головистикова А.Н. Права человека: учебник / А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына — М.: Эксмо, 2006. — 448 с.
3. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. — М.: Юрайт-Издат, 2007. — 993 с.
4. Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. — М.: Статут, 2008. — 336 с.
5. Красавчикова Л.О. Жилищное право и личные неимущественные права граждан / Л.О. Красавчикова // Актуальные проблемы жилищного права: сборник памяти П.И. Седугина. — М., 2003. — С. 50–60.
6. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.В. Лазарева. — М.: Изд-во Спарк, 1997. — 599 с.
7. Овсепян Ж.И. Развитие учения о субъективном характере основных (конституционных) прав и свобод в классической научной теории / Ж.И. Овсепян // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 13. — С. 2–8.
8. Смолькова И.В. Частная жизнь: значение, понятие, неприкосновенность / И.В. Смолькова // Доступ граждан к законодательству Российской Федерации. Защита прав граждан и неприкосновенность частной жизни: материалы международного «круглого стола», Иркутск, 24–26 сентября 2001 г. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2003. — С. 136–143.
9. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. — М.: Юрид. лит-ра, 1980. — 176 с.
10. Фролова О.С. Частная жизнь в свете Конвенции о защите прав человека и основных свобод / О.С. Фролова // Журнал российского права. — 2008. — № 10. — С. 118–123.
11. Шептунова Х.П. Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Х.П. Шептунова. Оренбург, 2008. — 21 с.

References

1. Avsheev E.Yu. Ugolovno-pravovaya okhrana prava na neprikosnovennost' zhilishcha: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / E.Yu. Avsheev. — Rostov n/D, 2005. — 24 s.
2. Golovistikova A.N. Prava cheloveka: uchebnik / A.N. Golovistikova, L.Yu. Grudtsyna — M.: Eksmo, 2006. — 448 s.
3. Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki / pod obshch. red. V.A. Belova. — M.: Yurait-Izdat, 2007. — 993 s.
4. Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava / pod red. D.A. Medvedeva. — M.: Statut, 2008. — 336 s.
5. Krasavchikova L.O. Zhilishchnoe pravo i lichnye neimushchestvennye prava grazhdan / L.O. Krasavchikova // Aktual'nye problemy zhilishchnogo prava: sbornik pamyati P.I. Sedugina. — M., 2003. — S. 50–60.
6. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii / pod red. V.V. Lazareva. — M.: Izd-vo Spark, 1997. — 599 s.
7. Ovsepyan Zh.I. Razvitie ucheniya o sub'ektivnom kharaktere osnovnykh (konstitutsionnykh) prav i svobod v klassicheskoi nauchnoi teorii / Zh.I. Ovsepyan // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2009. — № 13. — S. 2–8.
8. Smol'kova I.V. Chastnaya zhizn': znachenie, ponyatie, neprikosnovennost' / I.V. Smol'kova // Dostup grazhdan k zakonodatel'stvu Rossiis-

koi Federatsii. Zashchita prav grazhdan i neprikosnovennost' chastnoi zhizni: materialy mezhdunar. «kruglogo stola», Irkutsk, 24-26 sentyabrya 2001 g. — Irkutsk: Izd-vo IGEA, 2003. — S. 136–143.

9. Tkachenko Yu.G. Metodologicheskie voprosy teorii pravootnoshenii / Yu.G. Tkachenko. — M.: Yurid. lit-ra, 1980. — 176 s.

10. Frolova O.S. Chastnaya zhizn' v svete Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod / O.S. Frolova // Zhurnal rossiiskogo prava. — 2008. — № 10. — S. 118–123.

11. Sheptunova Kh.P. Pravo lichnosti na neprikosnovennost' zhilishcha v ugovnom sudoproizvodstve: otechestvennyi opyt i mezhdunarodnye standarty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Kh.P. Sheptunova. Orenburg, 2008. — 21 c.

Информация об авторе

Суслова Светлана Игоревна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: svetsuslova@yandex.ru.

Author

Suslova Svetlana Igorevna — PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Process, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: svetsuslova@yandex.ru.